

АЛЕКСЕЙ ВЕКШИН

ДВЕНАДЦАТЬ МИНУТ ТЬМЫ

Алексей Векшин

Двенадцать минут тьмы

«Автор»

2026

Векшин А.

Двенадцать минут тьмы / А. Векшин — «Автор», 2026

В полночь магия исчезает на двенадцать минут. Наёмник Константин Яров и его команда используют это время, чтобы вывести инженера из охраняемого поезда. Свидетель знает, что произошло на узле, где четыре года назад погибли восемнадцать рабочих. Теперь за ним охотятся, а в городе появляются приборы, задерживающие возвращение магии. Ярову предстоит защитить команду и ответить за собственный старый приказ.

© Векшин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последние секунды	5
Глава 2. Лишняя минута	11
Глава 3. Человек из прошлого	17
Г	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алексей Векшин

Двенадцать минут тьмы

Глава 1. Последние секунды

За четыре минуты до полуночи на эстакаде погасла половина фонарей. Оставшиеся горели от обычного кабеля, тускло и ровно; под ними хорошо различались рельсы, но лица людей превращались в тёмные пятна.

Константин Яров поправил ремень оружия и провёл пальцем по циферблату. Стекло на часах давно треснуло возле шестёрки. Он собирался заменить его после каждого удачного заказа и всякий раз находил для денег другое применение.

До поезда оставалось две минуты.

Лада лежала за бетонным основанием сигнальной будки, положив карабин на свёрнутую куртку. Рядом с её локтем стоял термос. При подготовке она успела выяснить, что будка пустует с осени, проверить лестницу и налить себе чаю; Константин всё это время сверял вагонный лист с фотографиями.

— Если он опять перенёс стакан в другой вагон, я его ударю, — сказала она.

— Инженера?

— Твоего человека в депо. Четыре фотографии, и на каждой чай на новом месте. Я уже знаю про его рабочий день больше, чем про нашу цель.

Константин присел у края площадки. Внизу текла узкая грузовая речка; на противоположном берегу электрические прожекторы освещали пустые платформы. Восточнее, за крышей весовой, начинались жилые дома. Отсюда были видны кухонные окна и красные полосы резервного света над подъездами.

Северин готовился к полуночи без суеты. Лифты возвращались на первый этаж, магические вывески сворачивались в тёмные рамки, а хозяева дешёвых мастерских заканчивали работу, чтобы не включать запасной двигатель. Через двенадцать минут всё оживёт. На этом строились расписания, расчёты и привычка спать спокойно.

— Поезд на входной кривой, — произнёс Глеб в наушнике. — Пять вагонов. Наш четвёртый. На передней площадке двое.

— Сигнал видит?

— Пока закрывает склад. Ещё восемь секунд.

Константин проверил красный огонь, который они установили на штатной стойке. Никакой магии: лампа, батарея, провод. Машинист обязан был остановиться перед неосвещённым участком, если впереди горел аварийный сигнал. В прошлые две ночи они смотрели, как этот же состав проходил эстакаду, и знали, где окажется нужный вагон после торможения.

Филипп ждал за западной решёткой в ремонтном фургоне с жёлтым проблесковым фонарём на крыше. Глеб держал подходы с грузовой галереи. До ближайшего поста было семьсот метров, служебная группа приезжала по сигналу тревоги за пять минут. Команда собиралась уйти на третью.

Затем в депо заменили локомотив, и новый оказался короче прежнего на полтора метра.

— Остановится ближе, — сказала Лада. — У передней лестницы. Можем зайти с неё.

— Там простреливается площадка.

— Зато нам не понадобится тащить человека через сцепку.

Он ещё раз посмотрел вниз. Лада была права. Старый вариант заставлял их обходить вагон по узкому краю, где некуда было присесть, если охрана откроет огонь.

— Берём лестницу. Глеб, передняя площадка твоя.

— Вижу.

Из-за склада появился локомотив. На его кабине ещё горел синий знак защиты, а по днищу первого вагона пробегали тонкие световые полосы. Филипп уверял, что броня там настоящая, стальная; свечение только закрывало стыки и не позволяло вырвать дверь. Во Тьме вагон не станет картонным.

Константин и не рассчитывал.

Он вынул из чехла небольшой болторез. При действующей магии за такой инструмент в поезде особого назначения полагалось бы посмеяться над злоумышленником. Через минуту многое зависело от качества его режущих кромок.

— На случай, если Серов не захочет идти, — негромко сказала Лада. — Ты его тоже оставишь на месте?

— Сначала узнаем, почему не хочет.

— Я спрашиваю про приказ.

Константин закрыл чехол и пристегнул его к поясу.

— Если откажется, не тащим. Но я должен с ним поговорить.

Лада допила чай. Сложив куртку за будкой, она поднялась на одно колено.

Виктор Серов четыре года переходил из одного закрытого учреждения в другое. В ведомостях его называли консультантом, в охранных предписаниях — лицом, ограниченным в перемещении. Константин нашёл его фамилию в старом приложении к делу Южного узла: инженер измерительной службы, показания приняты, состояние здоровья не позволяет повторный опрос. После этого приложения никто из погибших техников уже не мог опровергнуть заключение комиссии.

Сам Яров мог. Его просто перестали приглашать.

Теперь у него были подлинный наряд на перевод, фотография седого мужчины у окна закрытого вагона и девять минут, прежде чем охрана поймёт, что обычная остановка превратилась в нападение.

Машинист дал короткий гудок. Колёса заскрежетали, синие полосы под вагонами вытянулись и погасли.

Полночь наступила без звука.

Константин почувствовал её пальцами. Под кожей исчезло привычное лёгкое сопротивление, с которым он жил столько лет, что замечал его лишь при усталости. Вдох стал обычным вдохом. Ремень, врезавшийся в плечо, снова нельзя было сдвинуть маленьким усилием в сторону.

На двенадцать минут он остался человеком с карабином и больным коленом.

Перед спуском Константин перекинул за спину подготовленный стальной щит. Лада пошла первой. Они пересекли рельсы за остановившимся вагоном, пригнув головы, и разошлись возле лестницы: она к передней площадке, он вдоль борта к служебной двери.

— Руки от оружия, — громко сказал Глеб сверху. — Передний. Второй. Я вижу обоих.

Охранник у поручня вскинул ствол. Пуля ударила в металлическую стойку возле его кисти; мужчина отшатнулся и сел на ступени. Второй успел укрыться за торцом вагона.

— Следующий будет в тебя, — предупредил Глеб.

Константин прижался к стенке. За дверью загремели шаги. Он увидел, как в небольшом окне открылась заслонка, и отступил в сторону раньше, чем оттуда показался конец оружейного ствола.

Лада ударила снизу ладонью по стволу и с силой прижала его к краю отверстия. Выстрел сорвал кусок краски с верхней рамы. Яров перерезал наружное крепление пломбы, накинуд рычаг на скобу замка и потянул.

Дверь не открылась.

— Внутренняя защёлка, — сказала Лада, удерживая оружие. — Они поставили вторую.

Константин подсунил тонкую пластину в щель. За дверью ругались, кто-то пытался выдернуть ствол обратно. Лада отпустила его внезапно; человек внутри потерял равновесие, ударился о стенку и закашлялся.

— Аварийный осмотр, — произнесла она в окно. — Если хотите дождаться обычного, не стреляйте.

— Кто вы такие?

Константин поймал пластиной край защёлки. Этот замок они купили за два квартала отсюда и три вечера вскрывали в мастерской Филиппа. На новом вагоне он стоял на палец выше.

— Очень дорогая остановка, — ответила Лада.

Рычаг пошёл.

Дверь раскрылась на ладонь; Константин ударил в неё плечом, раздвинул створку и шагнул внутрь, подняв щит перед собой. Лада вошла за ним. Два охранника стояли в тесном тамбуре: один пытался подняться с пола, второй разворачивал оружие, зажатое между собственным локтем и шкафом.

— Брось! — приказал Яров.

Второй охранник увидел Ладу и опустил ствол. Первый потянулся к поясу. Константин шагнул к нему, прижал щитом к скамье и перехватил кисть. Без магии движение потребовало всей силы; больное колено напомнило о себе, когда мужчина начал вырываться.

Лада оттолкнула оружие ногой и затянула на охраннике пластиковую стяжку. Он был молод, лет двадцати, с плохо выбритой шеей и маленьким свежим ожогом у уха. Константин не знал, за что этому человеку платят и что ему рассказали о пассажире.

— Мы пришли за Серовым. Лежи спокойно, останешься жив.

— Его здесь нет.

Из глубины вагона донёсся сухой кашель.

Лада покосилась на охранника.

— Убедительно. Держись этой версии.

Она заставила второго лечь лицом к полу. Яров передал ей щит и прошёл через перегородку.

В купе горела электрическая лампа. На столе стояли кружка и шахматная доска с незаконченным этюдом. Мужчина на нижней койке сидел прямо, положив руки на колени; узкая сумка была зажата между ботинками.

— Виктор Серов?

— Если ошиблись вагоном, больше здесь никого нет.

У него оказался негромкий голос, более молодой, чем лицо. Седые волосы были подстрижены слишком аккуратно для человека, которого перевозили среди ночи. На левом запястье краснела натёртая полоска.

— Константин Яров. Нам надо уходить.

Инженер смотрел на него, и узнавание меняло выражение лица постепенно: от недоверия к тревоге.

— Вам нельзя было сюда приходить.

— Охрана придерживается того же мнения.

— Я серьёзно.

Константин опустил ствол.

— Я знаю. Вы были на Южном узле. Сидели в измерительной нише, когда закрылись ворота. В приложении к расследованию есть ваши показания.

Серов крепче сжал ручку сумки.

— Вы их читали?

— То, что мне дали прочитать.

— Значит, вы пришли не за тем человеком.

Глеб сообщил о движении возле локомотива. Лада ответила ему; короткий обмен прозвучал за стенкой спокойно, почти буднично. Ярову хотелось поторопить инженера, но он видел, как тот следит за дверью. Так смотрели люди, ожидавшие не освобождения, а очередного перевода.

— Снаружи трое моих людей. Мы можем вывести вас из узла. Куда вас везут?

— На север. Дальше мне не сказали.

— Хотите туда ехать?

Серов не ответил. Он дотронулся до красной полоски на запястье, затем потянул рукав вниз.

— У меня сестра в Северине. Её имя вы тоже нашли?

— Нет.

— Они знают.

Константин стоял перед ним с оружием и не мог честно пообещать, что спасёт ещё одного человека, о котором впервые услышал.

— Мы узнаем, где она. После того как уйдём отсюда. Здесь у меня нет способа вам помочь.

Серов наклонился и снял сумку с пола. Из-под койки он вытащил деревянный футляр с потёртой латунной ручкой.

— Это тоже надо взять.

— Что внутри?

— Если у нас будет время, покажу.

Яров попробовал поднять футляр. Тот весил килограммов восемь.

— Документы?

— Прибор.

Константин взял ручку левой рукой. На часах было четыре минуты после полуночи.

В тамбуре охранник с ожогом уже перестал вырываться. Второй лежал возле шкафа, тяжело дыша. Лада наклеила на стекло двери кусок плотного картона, чтобы их не видели с соседней площадки.

— Вы его забираете? — спросил старший охранник.

— Да.

— Тогда уведите быстро. Я сейчас должен включить тревогу.

На стене рядом с его плечом висела опечатанная коробка. Пломба была цела. Константин понял, что тревогу уже включили в другом месте: старший не смотрел на коробку, а слушал шум за окном.

— Как вас зовут?

— Это вам зачем?

— Машинисту скажете, что мы его не тронем. Пусть остаётся в кабине. Не надо спасать государственное имущество сегодня ночью.

Старший охранник закрыл глаза и кивнул один раз.

Константин вывел Серова на лестницу. Холодный воздух заставил инженера остановиться; он глубоко вдохнул, словно внутри вагона нечем было дышать. Лада поддержала его под локоть и повела к служебному мосту.

— Пост вышел, — сказал Глеб. — Четверо. Пешком вдоль северного пути. До вас ещё далеко.

— Отходи.

— Подожду на галерее.

— Глеб.

— Отсюда я прикрою мост. Снизу нет.

Яров хотел повторить приказ. Вместо этого он посмотрел на расстояние до галереи: Глеб мог спуститься по пожарной лестнице за полминуты и выйти к той же решётке, что остальные. Остаться там было разумно.

— До десятой минуты. Потом вниз.

Лада оглянулась на него через плечо, но промолчала.

Мост начинался между двумя водонапорными башнями. Он был служебным: бетонный настил, высокий проволочный борт, жёлтая полоса для ремонтных тележек. В конце стояла противоаварийная решётка, отделявшая пути от дороги. Во Тьме она опускалась под собственным весом; после восстановления поля поднималась от служебного ключа. Филипп уже приложил ключ к наружному посту и проверил готовность замка.

Константин рассчитывал прийти туда до восьмой минуты. Сейчас оставалось меньше пяти.

Серов шёл плохо. Правая нога почти не сгибалась, и каждый раз, когда настил менял высоту, инженер переставлял ступню обеими руками, держась за Ладу.

— Давно? — спросила она.

— Три месяца.

— На фотографии вы стояли.

— Стою я хорошо.

Лада передала карабин Константину, закинула руку Серова себе на плечо и позволила ему опереться. Они пошли медленнее, зато ровно. Яров нёс два оружия и футляр; ему пришлось прижать ремни локтем, чтобы они не звякали о перила.

— Филипп, будем к восстановлению.

— Ключ на месте. Чайник выключил, застелить вам постель не успею.

— Есть движение со стороны дороги?

— Мусорный грузовик. Проехал. Задний въезд чист.

Охрана возле локомотива кричала машинисту. На другом конце эстакады загорелся красный фонарь тревоги. Северный пост шёл к поезду, ещё не понимая, куда ушли нападавшие.

Они добрались до середины моста. Внизу гроыхнул сцепкой один из вагонов, и Серов остановился так резко, что Лада едва удержала его.

— Не поезд, — сказала она. — Идём.

Он подчинился. Яров заметил, что инженер всё время смотрит на часовую башню над грузовым депо. Её стрелки освещала отдельная лампа, и отсюда было видно: девять минут.

— Вас ищут со стороны реки, — сказал Глеб. — Служебный выход открылся. Вышла ещё группа.

— Сколько?

— Шесть. У всех обычное оружие. Не бегут.

— Возможно, смена поста?

— Филипп, у вас ночью посты меняют с пулемётом?

Яров оглянулся. На нижней площадке у основания восточной башни возникли маленькие жёлтые огни. Люди двигались раздельно, не собираясь на освещённом месте. Один поднялся к лестнице на галерею, двое остались под мостом.

Они были ближе, чем охрана поезда.

— Глеб, уходи сейчас. Лада, за опору.

Он передал ей карабин и поставил футляр на бетон. На таком мосту защищал только массивный столб возле решётки. До него оставалось двадцать метров.

Серов попытался идти сам, но споткнулся. Лада поймала его за ворот, подтянула и почти потащила вперёд.

Глеб сделал два выстрела. Один из жёлтых огней исчез; остальные погасли сразу, по команде, которую Константин не слышал. Снизу ударили ответные очереди. Проволочный

борт задрожал. Яров присел возле футляра и выстрелил по вспышке у лестницы, давая Глебу возможность спуститься.

— Лестницу держу, — сказала Лада. — Отходи к нам.

Константин поднял футляр, перебежал последние метры и опустился за бетонной опорой. Филипп стоял по другую сторону решётки, в трёх шагах от них; волосы над его лбом торчали из-под шапки, в руках он держал механическую рукоять.

— Поднимай вручную, — сказал Яров.

— Уже начал. Здесь зубья закусывает. До восстановления я её всё равно не сдвину.

Он нажал на рукоять всем весом. Где-то над ними щёлкнула собачка механизма.

— Ещё полторы минуты, — добавил Филипп. — После возвращения поля поднимется сразу.

Глеб появился у лестницы и перебежал к служебной двери в боковой стене. Оттуда он видел восточный вход на мост. Лада устроила Серова за опорой, подсунув ему под спину собственную свёрнутую куртку, которую всё-таки забрала из будки.

Восточнее выстрелили снова. Пули откололи край бетона над плечом Константина.

Он посмотрел на башню. Одиннадцать минут.

За решёткой Филипп убрал рукоять и взялся за ключ. Восстановится поле, замок даст разрешение, тяжёлые прутья уйдут вверх. Три секунды на проход, десять до фургона. Если охрана бросится следом, Глеб прикроет дверь машины.

— После открытия сначала Виктор, — сказал Константин. — Лада с ним. Глеб следом.

— А ты?

— Заберу футляр.

— Передай сюда, — потребовал Филипп. — Не героический груз, всего восемь килограммов.

Яров протиснул прибор между прутьями. Серов проводил футляр глазами и вдруг схватил его за рукав.

— Не ждите здесь.

— Сейчас откроется.

— Именно поэтому нельзя ждать.

Константин повернулся к нему. Инженер смотрел на башню, а губы у него беззвучно двигались. Он считал последние секунды.

С восточной стороны моста донёсся стук. Люди, стрелявшие из темноты, поставили что-то тяжёлое поперёк настила. Константин увидел край низкого щита и ствол над ним.

— Ложись!

Он толкнул Серова ниже и повернулся к решётке.

На башне минутная стрелка дошла до двенадцати. Филипп нажал на ключ. Яров привычно потянулся к лёгкому сопротивлению под кожей, чтобы отвести от них край щита, если охрана подойдёт.

Ничего не произошло.

Решётка осталась на месте. Пулемёт за восточным щитом начал стрелять.

Глава 2. Лишняя минута

Первая очередь прошла над ними. Вторая легла ниже, и бетонная крошка посыпалась Серову за ворот. Лада прижала его голову к своим коленям, пока Яров вытаскивал из кармана дымовую шашку.

— Филипп, ручной привод!

— Сорву тормоз, решётка упадёт ещё ниже. Мне надо открыть кожух.

— Сколько?

— Сначала открою, потом смогу тебе соврать.

Яров выдернул кольцо и бросил шашку вдоль настила. Серый дым расплзся между ними и низким щитом. На восточной стороне продолжали стрелять, не пытаясь пока приблизиться.

Константин высунулся сбоку от опоры и увидел ботинки стрелка под щитом. Две пули выбили из настила пыль, третья заставила человека отдёргнуть ногу. Огонь прекратился на короткое время. За дымом кто-то отдал приказ, и справа от башни заработало другое оружие.

— На верхнем окне, — сказал Глеб. — Один. Не достаю отсюда.

Лада повернулась к служебной башне. Окно находилось над боковой дверью, где сидел Глеб; из-за бетонного козырька он не видел стрелка, а тот уже наклонился наружу. Ещё мгновение — и можно было стрелять почти вертикально вниз.

Она переложила голову Серова на куртку и подняла карабин.

— Глеб, ко мне!

Её выстрелы ударили в край окна. Глеб выбежал из-под козырька, но упал на втором шаге. Кусок проволочного борта, оторванный очередью, зацепился за пряжку на его разгрузке. Он развернулся, пытаясь освободиться, и натянул на себя рваную сетку.

Константин шагнул из-за опоры.

— Я заберу.

Лада уже бежала к Глебу. Он увидел её профиль, поднятое плечо, нож в руке. Она находилась ближе. Вернуться за укрытие и держать окно было правильнее, но Яров продолжил движение, пока её рука не ударила его в грудь.

— Окно! — крикнула она.

Он остановился, поднял ствол и выстрелил по тёмному прямоугольнику. Мужчина наверху скрылся. Лада присела возле Глеба, перерезала ремень и отпихнула сетку ботинком. Глеб поднялся, оставив часть снаряжения на настиле.

Яров отступил к опоре. В ушах стало тесно от собственного дыхания и чужих голосов. Серов что-то говорил Филиппу сквозь решётку, инженер снаружи отвечал ему; на железо падали инструменты. Константин перестал разбирать слова.

Он взглянул на часы.

Двенадцать минут и девятнадцать секунд.

В груди возникло знакомое неприятное чувство, будто ремень стянули вокруг рёбер на лишнюю дырку. Он испытал его четыре года назад перед пультом аварийных ворот, когда зелёная лампа говорила, что узел работает, а люди в тоннеле кричали совсем о другом.

Яров заставил себя вдохнуть до конца.

Здесь был мост. Трое живых товарищей и человек, за которым они пришли. Решётка, дым, восточный щит. Он видел каждую из этих вещей и мог действовать.

— Они заходят по нижней лестнице, — сообщил Глеб. — Двое. Остальные держат мост.

Константин посмотрел на боковую дверь башни. Рядом с ней начинался короткий спуск к площадке над водой. Лестница вела к техническому выходу, которым воспользовалась вторая группа. Снизу можно было обойти опору и выйти прямо к их укрытию.

Филипп ударил по кожуху привода. Винт провернулся вместе с ржавой шайбой, но крышка осталась на месте.

— У них подготовлено, — произнёс Серов. — Они знают, сколько ждать.

— Сколько? — спросил Яров.

Инженер прижал ладонь к горлу. Сейчас от него не было пользы: он смотрел на дым, а не на часы, и никак не мог закончить фразу.

— Глеб, нижняя лестница. Лада, окно и мост. Не давать щиту двигаться. Филипп, продолжай.

Константин вытянул Серова глубже за опору и передал ему ремень от футляра, который Филипп протолкнул обратно между прутьями.

— Обвяжите вокруг пояса. Он вас удержит, если придётся лезть вниз.

— Там вода.

— И ремонтная площадка. До воды не доберётесь.

Серов взял ремень обеими руками. Пальцы дрожали, пряжка никак не попадала в петлю. Яров сделал это за него и затянул так, чтобы инженер мог дышать.

Прыгать с моста он не собирался. Под решёткой висела узкая площадка обслуживания, доступная с дорожной стороны. Филипп мог спустить туда стропу из фургона; но до машины, обратно и до площадки требовалось время. Пока решётка стояла, хотя бы оставался путь, который можно подготовить.

— Филипп, стропы. Прицепишь к раме фургона. Если замок не оживёт, снимем Виктора через край.

— Понял.

Он поддел крышку отвёрткой и рванул на себя. Железо отломилось у последнего крепления, соскользнуло на внутреннюю сторону решётки и осталось возле стойки. Филипп бросил инструменты и побежал к машине.

— Нас четверо, — напомнила Лада, не отрываясь от прицела.

— Удержишь подход, пока я спущу его. Потом Глеб. Ты третья.

— Я слышала порядок. Не слышала, кто удержит подход для тебя.

Яров не успел ответить. На нижней лестнице раздались два выстрела, и Глеб отшатнулся к стене. Пуля ударила в оружие у него в руках. Магазин отлетел, металлический корпус затвора раскололся, и остатки карабина повисли на ремне.

Из двери показался человек в коротком бронежилете. Он держал пистолет вытянутой рукой, почти касаясь стволом стены, за которой стоял Глеб. Второй поднимался следом.

Константин выстрелил. Человек осел в проёме; второй схватил его за плечо и потянул назад. Глеб выдернул свой пистолет и прижал ствол к краю двери.

— Цел, — сказал он. — Дверь держу.

Лада сделала ещё два выстрела по восточному щиту. Дым густел, закрывая настил; теперь она видела только верхнюю кромку металла, когда пулемёт давал короткую очередь. Пули попадали в опору с другой стороны. Константин не мог понять, на сколько шагов щит приблизился.

На часах было сорок секунд.

Филипп вернулся со стропой через плечо. Он остановился у решётки, прислушался и медленно повернул голову к Серову.

— Шестьдесят? — спросил он.

Серов кивнул.

— Что шестьдесят? — Яров перехватил стропу, которую Филипп просунул между прутьями.

— Он говорит, минуту, — ответил инженер. — Но я бы не поставил на это никого из нас.

Константин подтянул Серова за ремень. Тот вскрикнул, когда правая нога подвернулась, однако сумел встать на здоровую. До края площадки оставалось всего несколько шагов. Перелезть через борт, попасть ногой на ступень, повернуться наружу — и на всё это понадобится больше двадцати секунд.

Щит был уже близко.

Яров услышал скрип металла по бетону и посмотрел поверх плеча Лады. В дыму двигалась тёмная полоса. Она стреляла чуть выше неё, вынуждая пулемётчика опускать голову, а сам щит толкали снизу. Через несколько метров противник увидит их сбоку от опоры.

— Лада, к решётке!

— Сначала отойди с Виктором.

Константин передал Серова Филиппу сквозь прутья — только руки и плечо; вытянуть человека наружу было нельзя. Инженер снаружи удержал его, пока Яров возвращался к Ладе.

Она уже отступала. На обратном шаге подошва попала на металлическую крышку, слетевшую с привода. Лада поскользнулась, упала на бок и сразу попыталась подняться, но карабинный ремень зацепился за торчащий кусок ограждения. Она дёрнула его, потом потянулась к застёжке.

Из дыма выскочил человек. Он держал оружие за цевьё; приклад прошёл сверху вниз, попав Ладе в плечо. Она успела подставить карабин и приняла удар на ствол, но осталась на коленях.

Яров ударил нападавшего плечом. Тот отступил на полшага и вцепился ему в ворот.

Вне Тьмы Константин отвёл бы усилие захвата чуть в сторону, помогая противнику потерять равновесие. Сейчас пальцы нападавшего держали крепко. Яров упёрся ногой в настил и ударил лбом в край его шлема.

Перед глазами на мгновение потемнело. Шлем оказался жёстче, чем он рассчитывал.

Лада вывернулась из ремня и ткнула стволом под колено нападавшему. Мужчина согнулся, развернулся боком; Константин перехватил его за запястье и оттолкнул к щиту. При этом собственный карабин остался висеть слишком низко, и поднять его сразу не удалось.

Под восточной кромкой вспыхнул огонь.

Яров почувствовал удар в бок, словно его ткнули горячим железным прутком. Воздух вышел из лёгких. Он едва удержался на ногах, хватаясь за Ладу, и подумал с нелепой ясностью, что снова заставил её поддерживать ещё одного человека.

Глеб выстрелил мимо их плеч. За дымом кто-то упал. Лада потянула Константина к опоре, низко пригнувшись; он переставлял ноги, но плохо понимал, куда наступает.

Филипп крикнул:

— Есть!

Под кожей вернулось знакомое сопротивление. Яров ощутил его прежде, чем заскрежетала решётка: ремень с оружием слегка сдвинулся на плече, когда он попытался упереться в Ладу.

Снаружи вспыхнул белый знак служебного допуска. Путь пошёл вверх.

— Виктора! — сказал Константин.

Филипп подхватил Серова и вытянул на дорожную сторону. Глеб проскользнул следом, развернулся у стойки и продолжил стрелять в мост. Лада почти протащила Ярова под поднимавшейся решёткой.

У окна башни вспыхнуло синее свечение. Оно ударило в стойку над ними и срезало угол металла. Тяжёлый кусок рухнул туда, где секунду назад стояла Лада.

Магия вернулась также к тем, кто их преследовал.

Филипп ударил ладонью по посту управления. Решётка оборвала подъём, задержалась и пошла вниз. Другого способа закрыть проход у него не было. Лада успела убрать ногу; железо врезалось в настил, перекрыв выстрелы с моста.

— В машину, — произнёс Глеб.

Константин хотел сказать ему, чтобы не стоял в полный рост. Голос не сработал. Лада тащила его к задней двери фургона, а над мостом снова загорались знаки защиты, водонапорные башни гудели. Дальняя дорога уже была освещена, но Яров не знал, в какой момент там включились фонари.

Теперь каждая из этих вещей могла работать против них.

Глеб помог втащить Ярова на пол фургона. Серов сидел у стенки, обхватив обеими руками свой футляр. Филипп захлопнул дверь и побежал к кабине. Рядом с Константином опустилась Лада.

— Руку убери.

Он не понял.

Она отвела его ладонь от бока, разрежала ткань ножницами и прижала к ране свёрнутый пакет. Яров попытался вдохнуть глубже. Боль прошла вдоль рёбер, но воздух вошёл. Это было хорошо. Насколько хорошо, он не знал.

Фургон тронулся резко, с ударом подвески. Глеб перехватил ручку над дверью, чтобы не упасть на них, и заглянул через узкое стекло.

— Следом пока никого. Синий на башне остался.

— Снимай проблесковый фонарь, — сказал Константин.

— Филипп уже снял. У нас обычные номера.

Лада надавила сильнее. У Ярова вырвалось короткое ругательство, вполне приличное, но произнесённое с чувством.

— Дыши, — сказала она. — Здесь не собрание. Нам не нужна речь.

Он кивнул и закрыл глаза. От закрытых глаз стало хуже: мост оказался рядом, словно они ещё не уехали. Тогда Константин стал смотреть на грязный ремень у дверной петли. У него распустился край, и одна белая нитка колыхалась при каждом толчке.

— Плечо? — спросил он.

— Ушиб. Не отвлекайся.

— Глеб?

— Карабин теперь короче. Я цел.

— Виктор?

Серов сам подал голос:

— Я здесь.

Константин услышал его и впервые позволил себе опереться затылком на стенку. В фургоне было пятеро. Филипп в кабине, трое рядом, он сам на полу. Все, за кем он мог сейчас следить, находились в одном месте.

Лада заметила движение его губ.

— Ты опять считаешь?

Он не ответил.

— Лучше посчитай, сколько я сказала тебе остаться у опоры.

Глеб повернул голову к ней, потом снова посмотрел в заднее стекло. Фургон миновал поворот; свет башни исчез, и он положил пистолет на колено.

— Одного на лестнице ты положил, — сообщил он Константину. — Второго его утянул. Кто за щитом, не видел.

Яров кивнул. Операция, за которую они не получили ни аванса, ни разрешения, уже стоила чужих жизней. Он не знал, какие приказы были у этих людей. Знал, что без их остановки команда осталась бы на мосту.

Филипп спросил из кабины:

— К Вере?

— Да, — ответила Лада.

— Двадцать минут. Могу быстрее, если объездная свободна.

— Едь ровно.

Константин хотел возразить. Их мастерская была ближе, там лежала чистая одежда и стоял стол, на котором можно разобрать прибор. Но Лада держала пакет у его бока, и пакет уже промокал. Он ничего не сказал.

Фургон свернул с грузовой дороги на обычную городскую улицу. За стенками слышались первые автомобили после полуночи. Где-то в соседнем переулке женщина громко звала собаку. Северин снова жил по своему расписанию.

Филипп включил запись служебного радиоканала. Это был маленький электрический приёмник, который он поставил в кабине ещё перед выездом; часы на нём сверяли по городской станции. Теперь из динамика донёсся чужой раздражённый голос:

— Западный проход. Восстановление в тринадцать ноль две. Повторяю, в тринадцать ноль две. Верните обычный режим допуска.

Филипп выключил звук.

— У нас шестьдесят две секунды, — произнёс он. — Допуск на решётке пришёл после появления поля. Само поле могло вернуться чуть раньше.

Лада посмотрела на Серова.

— Ты знал, что это будет?

— Я знал, что это может быть. Им требовалось проверить контур на всём перегоне.

— И решил рассказать возле закрытой решётки?

Серов сглотнул. Он всё ещё держал футляр так крепко, что побелели пальцы.

— Я не знал, куда вы пойдёте. А потом... Я думал, нам хватит времени.

Лада открыла рот, но Яров поднял руку.

— Сейчас скажите то, что поможет нам не погибнуть до утра.

Серов посмотрел на его окровавленную рубашку. Потом осторожно поставил футляр между ботинками и отодвинул его от крови, растекавшейся по полу.

— Они закроют грузовые выезды. Вашу машину ищут по корпусу, номера не помогут. Если есть гараж со сквозным проходом, нужно сменить её там. И не включайте магическую связь. Они могут видеть обращения через местные узлы.

Филипп свистнул сквозь зубы.

— Яров, мой второй телефон в железном ящике. Вытащи, пожалуйста.

Константин потянулся, и боль заставила его замереть.

— Сам вытащи, — сказал Глеб.

Он достал из ящика старую электрическую трубку и пересел ближе к перегородке кабины, чтобы Филипп мог продиктовать номер. Лада проверила края повязки, попросила Серова подать ей второй пакет и не стала возвращаться к вопросу о том, почему тот молчал.

Константин смотрел на деревянный футляр. На латунной ручке осталась его кровь. Перед операцией приборов в плане не было, зато имелись точные минуты и проверенный выход. Теперь всё поменялось, кроме причины, по которой он пришёл в поезд.

— На Южном, — сказал он. — Тогда тоже задержалось поле?

Серов отвернулся к двери. За маленьким стеклом прошла полоска света от уличного фонаря, на мгновение обозначившая глубокую складку возле его рта.

— Да.

Глеб перестал набирать номер.

— В отчёте написано, что восстановление было штатным, — произнёс он.

— В отчёте записан сигнал с контрольного поста. Датчик стоял за границей опыта.

Константин попробовал сесть. Лада удержала его за плечо.

— Лежи. Он умеет разговаривать и с лежащими.

Яров подчинился.

— Почему вы не сказали комиссии?

Серов поднял глаза. Впервые за ночь он смотрел прямо на него, не проверяя, кто стоит у двери.

— Я сказал. Потом мне дали подписать другое заключение.

Глеб медленно положил телефон на ящик.

— А ты подписал.

Инженер кивнул.

Между сиденьями грохнул пустой магазин, забытый Ладой на полу. Фургон поворачивал к старому гаражному двору. Константин прижал ладонь к руке Лады, помогая ей удерживать повязку, и посмотрел на Серова.

— Не выбирайте сейчас слова покрасивее. Начните с того, что измеряли.

Глава 3. Человек из прошлого

Во дворе пахло прогретым маслом и капустой. Кто-то ужинал в сторожке, оставив дверь открытой; на столе под лампой лежали хлеб и две алюминиевые ложки. Константин видел их через стекло фургона, пока Филипп спорил с хозяином гаража.

— Не в ремонт, — повторил Филипп. — До утра оставить. И забрать серый.

— Ты мне утром его вернёшь?

— Верну, когда смогу. Сейчас можешь назвать цену, которая тебя утешит.

Хозяин заглянул в грузовой отсек. Он был в домашних тапках, с полотенцем на плече, и после одного взгляда на Ярова перестал торговаться.

— Серый у вторых ворот. Ключ под козырьком. Только он на поворотах ведёт вправо.

— Спасибо, Устин.

— За спасибо я тебе в прошлом месяце ремень привода менял. Деньги потом занесёшь.

Лада не дала Константину выйти самому. Глеб подхватил его с другой стороны, и вместе они пересадили его в серую машину, положив поперёк задней скамьи. Серов устроился рядом с передним сиденьем, на полу; свою больную ногу он вытянул между ящиками. Филипп перенёс футляр и сумку. Через девять минут они выехали через вторые ворота в другой переулок.

Константин попытался запомнить повороты. На третьем понял, что считает их неправильно, и перестал.

Вера встретила их у чёрного входа небольшой хирургической лечебницы. На ней были очки с одной толстой дужкой, короткий халат и резиновые сапоги. При виде сапог Филипп осторожно спросил, не помешали ли они уборке.

— Затопило подвал. Проводите его сюда, сами стойте у стены. Тот, кто уронит оружие на чистый стол, оплатит новый стол.

Константин уселся на край кушетки. Вера разрезала остатки рубашки, сняла мокрый пакет и велела ему лечь. Он попробовал что-то сказать о времени.

— У тебя его достаточно, чтобы дослушать врача, — ответила она. — Если перестанешь двигаться.

Она работала быстро, обращаясь в основном к Ладе. Попросила фонарь, повернула Константина, провела над боком плоским прибором с молочно-белым стеклом. Затем долго смотрела в стекло, переставляя прибор на несколько пальцев.

Ярову хотелось спросить, где именно находится пуля. Он не хотел услышать это от врача, которая только что вернулась из затопленного подвала. Потом Вера сказала, что рана сквозная, прошла по наружной стороне рёбер и не вошла в грудную полость, и он ощутил такую благодарность к её сапогам, что сам себе показался нелепым.

— Тебе повезло с углом, — сказала она. — Это не означает, что можно идти получать следующую.

— Когда я смогу встать?

— Когда я закончу.

— Я имею в виду...

— Я поняла, что ты имеешь в виду.

Она закрыла дверцу шкафа ногой и позвала сестру. Константин увидел над кушеткой рамку с лицензией, два обычных светильника и маленький знак лечебного контура, закреплённый на стене. Он работал от общего поля и тихо потрескивал. Это был не боевой щит и не чудо, которое вернёт его на мост здоровым: контур помогал врачу удерживать края повреждённой ткани, пока она делала свою работу.

Вера предупредила, что обезболивание притупит ощущение натяжения. Можно разорвать шов и обнаружить это только по крови на одежде. Полный разворот корпуса пока исклю-

чался. Перенос тяжестей тоже. Оказалось, Константин планировал делать преимущественно запрещённые вещи.

— Если тебе понадобится на кого-то напасть, сначала пришли сюда этого человека, — добавила она. — Я объясню ему, что ты занят.

Лада отвернулась к стене, пряча улыбку. Вера заметила, как она держит левое плечо, и велела остаться после него.

Филипп вышел позвонить. Глеб остался у двери, не садясь. Серов тихо сидел в коридоре, положив футляр на колени. На этот раз никто не ставил перед Константином часы.

Когда Вера закончила, в лечебнице стало слышно, как в подвале работает насос. Константину дали чистую рубашку, застёгивавшуюся слишком высоко, и разрешили пить воду маленькими глотками. Он удержал стакан обеими руками. Правая дрожала.

— Запись о ране я сделаю настоящую, — сказала Вера. — Если твои друзья хотели падение с лестницы, им придётся искать другую лечебницу.

— Делайте настоящую.

— Уведомление уйдёт с утренней сменой. Больше ничего обещать не могу.

Лада кивнула. Она привела его к Вере именно потому, что здесь могли помочь, а не потому, что здесь умели уничтожать бумаги.

До утра у них оставалось несколько часов.

Филипп вернулся с квитанцией. Внизу стояла сумма, за которую «Нулевая смена» обычно сопровождала один ночной груз через весь город. Яров прочитал её, затем перевернул бумагу, проверяя, не оказалось ли на обороте продолжения.

— За помощь, — сказал Филипп. — За лечебный контур отдельно. У Веры он принадлежит дому Ланских, они берут за каждое применение.

— Заплатил?

— С ремонтного счёта. Если нам завтра принесут холодильник, попросим человека потерпеть.

Константин протянул ему квитанцию.

— Возместим с моего.

— С твоего я платил за вагонный замок. И за карабинные патроны. У тебя сейчас замечательно чистый счёт.

Лада присела на соседнюю кушетку. До осмотра она успела позвонить постоянному заказчику и перенести сопровождение двух машин на другую команду. Для этого не понадобилось рассказывать о поезде: достаточно было сказать, что один сотрудник ранен, а другой лишился основного оружия. Заказчик не возражал, но отказался оставлять им плату за подготовку.

— Они выехали с «Крепостью», — сообщила Лада. — Тебя просили перезвонить, когда снова сможешь работать.

Константин вспомнил маршрут, который они готовили к следующей ночи. Он был проще сегодняшнего, хорошо оплачивался и не обещал никаких старых ответов. На эту оплату рассчитывали ещё неделю назад.

— Правильно, что передала.

— Я не собиралась отправлять тебя в том виде, в котором ты сейчас сидишь.

Сестра принесла ей стакан воды и осталась у двери, ожидая, пока Филипп уберёт футляр с прохода. На поясе у неё висела связка ключей, каждый подписан маленькой картонкой. Жизнь лечебницы продолжалась: кто-то ждал укола, в подвале откачивали воду, Вера за стенкой объясняла пожилому мужчине, почему нельзя было тянуть до ночи.

Константин попросил Филиппа позвонить Устину и уточнить, не приезжали ли во двор посторонние. Тот отошёл в коридор, вернулся и покачал головой.

— Пока спокойно. Устин запер наш фургон в боксе. Серую машину в журнал не вписывал, но она у него проходит по старым документам. Если придут с настоящим требованием, он её не спрячет.

— И не проси прятать. Пусть говорит то, что видел.

— Он видел нас пятерых. Это неприятно подробный ответ.

Лада убрала квитанцию в карман.

— Если после нас к нему придут люди, которые не покажут требования, он должен позвонить. Я оставила номер.

Константин кивнул. Он хотел защитить свидетеля и очистить имена погибших. До этой ночи легко было представлять оба дела как одну цель. Теперь между ними стояли Устин, Вера, деньги Филиппа и сорванный заказ. Ни у кого из них не было обязанности оплачивать его прошлое.

— Расходы запишем, — сказал он. — Все. Не потом по памяти.

Филипп постучал по квитанции.

— Уже начал.

Когда врача позвали к другому пациенту, Глеб закрыл дверь. Он положил на край пустой кушетки обломок карабина, который привёз с собой. Ствол ещё пах гарью. Часть затворной коробки отсутствовала; в рваном металле застрял кусок пули.

— Хороший был, — сказал Константин.

— Куплю другой.

Глеб повертел обломок, отцепил ремень и убрал его в карман. Константин знал этот ремень. Несколько лет назад Андрей Рудин подарил его Глебу, потому что тот всё время жаловался на казённое крепление. Пряжку подпилили вручную, чтобы не цеплялась за разгрузку.

На мосту ремень пришлось разрезать.

— Ты поэтому его забрал?

— Карабин? Хотел посмотреть, куда попало.

Константин не стал уточнять.

Глеб сел на стул. Со стороны коридора слышался голос Лады: она спорила с Верой, считая свой ушиб недостаточной причиной, чтобы снимать жилет. Врач отвечала тем же спокойным тоном, каким раньше запретила Ярову разворачиваться.

— Ты слышал Серова, — произнёс Глеб.

— Слышал.

— Он подписал.

— Заставили.

— Об этом он сказал сам. Пока всё, что мы знаем.

Константин поставил стакан на пол. Глеб был прав, и соглашаться с ним оказалось тяжелее, чем защищать человека, которого они только что спасли.

— Проверим.

— Ты четыре года ищешь того, кто скажет тебе, что произошло. Он может рассказать почти что угодно.

— Я ищу того, кто был там.

— Я тоже был там.

Константин посмотрел на его руки. Глеб держал отрезанный ремень, пропуская большой палец через пряжку.

Они действительно оба были на Южном. Но Глеб приехал уже после того, как закрылись ворота, и видел наружную сторону узла: спасателей, воду у лестниц, окровавленные одеяла. Андрей остался по другую сторону. Яров тогда ещё стоял у пульта и докладывал, что жилые кварталы удалось удержать.

Позже они договорились работать вместе. Никто из них не произносил слово «прощаю».

— Я не собираюсь менять свой приказ задним числом, — сказал Константин.

— Я знаю.

Глеб убрал ремень и поднялся. У двери он остановился, словно хотел добавить ещё что-то, но вместо этого поправил повреждённый карабин на плече.

Когда Лада вернулась, на её плечо была наклеена широкая повязка.

— Можешь двигать? — спросил Яров.

— Могу. Мне только что пятнадцать минут объясняли, чего лучше не делать.

— Список длинный?

— Для тебя длиннее.

Она помогла ему встать и не отпустила, пока он не оказался в коридоре. Серов поднялся с кресла. Сумка лежала у его ноги, футляр был открыт: он проверял что-то под крышкой, но сразу закрыл её, заметив Константина.

— Не здесь, — сказал Яров.

Инженер согласился слишком охотно.

Из лечебницы они уехали в два часа сорок минут. Филипп успел договориться о помещении на западной окраине: старый склад при мастерской по ремонту холодильных установок. Он снимал его прошлой зимой для большого заказа и оставил оплаченный угол с верстаком. Там были второй выход, обычная проводка и комнаты без окон на улицу. В отличие от собственной базы «Нулевой смены», этот адрес не печатали на договорах с клиентами.

Филипп не называл его убежищем. Он сказал, что там тихо, если не запускать компрессор.

Перед выездом Вера остановила Ладу у двери и передала ей пакет с повязками.

— Приедете завтра, — сказала она. — Оба. Не присылайте вместо себя убедительное объяснение.

Лада обещала.

Склад оказался теснее, чем представлял Константин. Между разобранными установками стояли деревянные перегородки; за одной помещались диван, электрическая плитка и стол с тремя разными стульями. Филипп включил переносной обогреватель и занялся футляром. Глеб осмотрел выходы, а Лада проверила телефон хозяина, висевший на стене. Работал.

Яров сел у стола. Теперь Серов мог говорить долго, но после лечебницы Константин обнаружил, что не в состоянии заставить себя терпеливо слушать издалека.

— Что измеряли? — повторил он вопрос, заданный ещё в машине.

Серов поставил сумку на стул.

— Возвращение поля. Точнее, первые колебания после Тьмы. В обычном узле они невелики. В больших сетях возникают пики, поэтому восстановление ступенчатое. Сначала опорные линии, потом нагрузка.

Филипп поднял голову.

— Это мы знаем. На Южном было шесть распределителей.

— Пять. Шестой числился распределителем, но в тот год его переделали.

— Подо что?

— Под задержку.

Серов провёл пальцем по столу, словно рисовал линию.

— Хотели уменьшить первый удар. Для этого часть узла оставляли без поля ещё немного, пока соседние линии выходили на режим. По расчёту, получалось безопаснее. На стенде получалось.

Константин помнил зелёные огни на пульте. Один загорался, когда включался насос, другой — когда открывалась линия. Третий означал, что работа в тоннеле разрешена. Он не знал, откуда именно приходил третий сигнал. В службе реагирования от него требовали видеть огонь и принимать решение.

— Удержали часть узла без поля, — сказал он. — Туда вошли люди.

— По штатному сигналу. Контрольный пост был снаружи испытательного контура. Он подтвердил своё восстановление, и разрешение ушло на все секции.

— А люди внутри?

— Там насосы ещё не работали. Их резервный двигатель повредило при первом толчке. Когда поле вернулось...

Серов замолчал и потёр запястье. Константин ждал.

— Прибор снял перегрузку, — закончил инженер. — Дальше моя запись обрывается. В измерительной нише замкнуло питание. Я увидел только начало.

— Вы знали, что резерв повреждён?

— Уже потом. До запуска нам показали акт проверки.

— Кто показал?

— Начальник испытаний. Его звали Гранин. Через неделю после аварии его перевели. Больше я его не видел.

Глеб стоял в дверях, опираясь плечом о косяк. Он не задавал вопросов, но Серов всё чаще смотрел в его сторону.

— Восемнадцать человек признали виновными в неправильном подключении, — сказал Яров. — Они действительно что-то подключили неправильно?

— При мне нет.

— При вас.

— Я не видел весь тоннель. Не буду говорить, что видел.

Константин почувствовал разочарование, почти злость. Нужен был ясный ответ, и человек, ради которого они рисковали, отказался его дать. Только через несколько секунд Яров понял, что именно такой отказ делает остальные слова Серова пригодными для проверки.

Филипп положил на стол узкий металлический цилиндр. Его достали из футляра вместе с пружинным механизмом и двумя катушками. На одной была чистая бумажная лента, на другой — тёмная, истёртая по краям.

— Чей прибор?

— Мой учебный регистратор. Я сделал его ещё в институте. У него отдельные часы, механические. Датчик поля двигает перо, но лента идёт, даже когда перо лежит на нуле.

— Его не проверяли?

— Проверяли. Ленту с аварии я спрятал под барабаном привода. Они осмотрели рабочую катушку.

Филипп осторожно повернул цилиндр. Внутри проступил край сложенной полосы.

— Четыре года носили?

— Не всё время. Когда мне возвращали личное имущество. Сегодня разрешили взять его в перевод. Старый прибор никому не нужен.

Лада наклонилась к столу.

— Кому вы собирались его показать?

— Никому.

Серов ответил так быстро, что Константин посмотрел на него.

— Тогда зачем сохраняли?

— Потому что однажды не подписать оказалось тяжелее, чем подписать. Я хотел оставить хоть что-то, что нельзя переписать на совещании.

Филипп развернул ленту на чистом листе. Большую часть занимала ровная линия; ближе к правому краю шли несколько резких зубцов. В полях остались карандашные отметки, дата и номер прибора. После нулевого участка линия поднималась позже, чем ожидал Филипп. Он сверился с двумя рисками и попросил у Серова темп лентопротяжки.

— Тридцать восемь секунд, если часы шли точно, — произнёс он.

— Перед опытом сверяли. После проверить не получилось.

— Значит, пока приблизительно.

Константин провёл ладонью по краю стола. На мосту задержка составила примерно минуту. На Южном, если верить ленте, меньше. Они получили две похожие истории, разделённые четырьмя годами, и ни одной бумаги, которая объясняла бы, кто приказал испытать устройство на живом узле.

— Зачем вас возили после аварии? — спросила Лада.

— Чтобы я помогал исправлять ошибки.

В помещении стало тихо. Даже Филипп перестал перекладывать детали.

— Какие? — спросил Константин.

— Разброс задержки. Неравномерность по границе. Иногда поле возвращалось с одной стороны, пока другая оставалась пустой. Я занимался датчиками, не установкой. Но без моих измерений они не могли проверить, исправили ли схему.

— Вы продолжили им помогать.

Серов сжал ладони между коленями.

— Да.

Лада отступила от стола. Глеб повернулся к выходу, и Константин услышал, как у него скрипнул ботинок.

Яров ожидал найти человека, которого заставили солгать, а потом спрятали от чужих вопросов. Он нашёл человека, который ещё несколько лет помогал делать такую же минуту, какую они едва пережили сегодня.

— Ваша сестра, — сказал он. — Имя и адрес.

— Елена Серова. Живёт на Садовой линии, дом сорок один. Квартира двенадцать. У неё мастерская по ремонту счётчиков на первом этаже.

Лада записала адрес на обороте старой накладной. Константин дождался, пока она закончит.

— Мы проверим, где она. Это не означает, что я согласился с вашим объяснением.

— Я понимаю.

— И больше никаких ответов, которые меняются после выстрелов. Если есть ещё что-то опасное в футляре, скажите сейчас.

Серов обернулся к прибору.

— Приёмный блок заменили в прошлом году. Он регистрирует номер узла, от которого берёт опорный сигнал. Должен быть только приёмником. Схему мне не давали.

Филипп уже снимал крышку маленькой коробки под основанием. Внутри оказались две платы, а между ними — тонкая медная петля. Филиппотсоединил контакт и убрал плату в жестяную коробку из-под крепежа.

— Опорный сигнал? — спросил он. — У приёмника зачем выходная ступень?

Серов побледнел.

Яров посмотрел на часы. Прибор лежал открытым почти двадцать минут. Они включили датчик, чтобы Филипп мог сравнить его ход с лентой.

— Успел отправить?

— Не знаю. Сначала я проверял твою старую запись.

Филипп закрывал коробку так аккуратно, словно от силы его пальцев зависело то, что уже могло случиться.

Константин поднялся. В боку потянуло, но не настолько, чтобы снова сесть.

— Ладугу и Глеба на выходы. Виктор, собирайте сумку. Филипп, только лента и то, что нужно для её проверки.

Инженер посмотрел на разобранный прибор, затем на дверь. Теперь причина, по которой старую вещь так легко разрешили взять с собой, выглядела гораздо яснее.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.